

📖 Поэзия:
Алексей Сомов

ОТЦУ И СЫНУ

- * *Это тайная несвобода...*
- * *Покуда рассвет сменяет закат...*
- * *В проклятой России - опять снега...*
- * *Стихи мои, зализывайте раны...*
- * СЧАСТИЕ
- * *А за гробом шли пацаны...*
- * *Здесь рябины стоят как рабыни...*
- * *Изъедена обшивка корабля...*
- * *Мы проиграли, автостоп...*
- * *Так и бывает: волны и облака...*
- * *Свобода и безденежье на Пасху...*
- * *Отведав спозаранок чуть слежалых...*
- * *Ты вырастаешь до небес...*

* * *

И. Маркову

Это тайная несвобода, чей закон неподкупно строг.
 Это тянутся к небосводу силовые линии строк.
 Это камушек Демосфена под бесчувственную пятой.
 Сотрясаемый атмосферным электричеством, как бедой,
 встань с молчанием вечным вровень и по имени назови...
 Ничего горячее крови. Ничего солоней любви.
 Не гадай - орел или решка: если малого не сберечь,
 остается Черная речка, остается черная речь.
 Неприкаяна и счастлива, отлетит от тела душа...
 Слышишь - музыка молчалива, и поэтому хороша.
 И когда усталое небо поперхнется студеной мглой,

И снова в келье огонь не гас,
и кто-то спросил, и я ответил.
...А он и вправду не вам чета,
погрязшим в подлой возне мышиной.
Стихи, говорите? Не читал:
смешное занятие для мужчины -
вся эта музычка высших сфер
вокруг любой заваливающей юбки...
Да кто он такой? Африканец. Зверь.
Отличный бретер, дурной камер-юнкер.
Но как безотчетно он был ревнив,
как мщениа дух свирепо вызрел!
Багровое солнце. Шансы равны.
Пять кратких шагов. И выстрел на выстрел.
Покуда стопой попираю твердь,
покуда в памяти и уме я -
держу за содеянное ответ.
Барон Дантес, господа. Честь имею.

^
--

* * *

Стихи мои, зализывайте раны:
там, где полнеба вьюги замели,
есть злое счастье - с равными на равных
бежать, не чуя под собой земли,
есть ремесло примеривать навырост
безбожную распахнутую даль,
остановиться; отдышаться; выгрызть
из лап кусочки розового льда,
есть в пораженье страшная победа
и в немоте предчувствие строки,
оскаленное торжество побега -
порвать к чертям тугие постромки
и, опрокинув нарты с ездоками -
о чем ты думал, опытный вожак? -
на предпоследнем жгучем издыханье,
как в детстве, кувиркаясь и визжа,
бежать с единокровными бок о бок
по грудь в слоеном мартовском снегу,
смотреть на звезды гибельные в оба
и умереть от бега на бегу.

^
--

СЧАСТИЕ

Сны расцвечивать алым
и в дождь плясать нагишом...
Господи, как мало.
Боже, как хорошо.

Быть влюбленным и глупым
чужой беде не в укор.
Обрывать городские клумбы
ленивой рукой.

Плакать, шататься, драться,
чувствовать боль.
Говорить "здравствуй"
той, что проснулась с тобой.

Стирать пеленки,
купать Илью.
Проявлять фотопленки,
где синий июль.

Еще судьба не устала,
еще не время, еще...

Господи, как мало.
Боже, как хорошо.

^
--

* * *

Памяти А. Корнилова

...А за гробом шли пацаны,
затерявшись в толпе суровой.
Лет, наверное, по семи.
Отпросились, видать, с уроков.

Падал выморочный снег,

в твердь вгрызались лопаты с силой,
и звенел нечаянный смех
над разверстой могилой.

Кто-то шикнул: здесь, мол, не цирк,
с вами, малыши, нету слада...
А мертвец, запаянный в цинк,
улыбался:
"Ну вот и славно!"

^
— —

* * *

Памяти матери

...и все-таки до смерти хочется жить.
О. Мандельштам

Здесь рябины стоят как рабыни
на невольничьем рынке в ряд,
и горят их щеки-рубины
миллионами терпких карат.
Лист сорвется - и тот украдкой:
как бы часом не замели...
Здесь, у ветхой могильной оградки -
средоточье моей земли.

...Неба сумрачная храмина
да густой осенний озон.
Игом памяти вдрызг хранимый,
я, увы, безнадежно спасен.
Но превыше явных ли, тайных
клятв на льну, молоке и крови
я извечный должник и данник
вмиг осиротевшей любви.

Ах, условиться бы о чем-то
важном - с ветром, землей, травой:
здесь конец и начало отсчета,
перекресток моих тревог.
И свеча перед скорбным Ликом,
и не лыком, так лихом шит,
все блуждаю в мареве липком -

^
--

* * *

Мы проиграли, автостоп.
Низкий поклон вам, ветра и травы,
Север и Запад, Юг, Восток.
Мы проиграли - значит, правы.
Пыльный загар лба и щек,
въедливый шепоток соседей.
Завтрашний зной будет еще
немилосердней.

^
--

* * *

Так и бывает: волны и облака,
плеск, фейерверк над рекою, петарды, шутихи.
Кончится праздник - жизнь обреченно легка,
только и выдохнешь: "Свете мой тихий..."
Так и бывает - и смерть совсем ни при чем:
эта подруга - своя, что называется, в доску.
Перебирает костяшки за левым плечом -
не оборачивайся, пока не надышишься вдосталь.
Не оборачивайся, перебирая слова,
перевирая мотив этой глупенькой песни,
ветер и пот рукавом утирая со лба -
завтрашний день будет еще грубей и небесней.

...Так и бывает:
лодка качается на волне,
к берегу лодку волной прибывает.
Свет пребывает в тебе и во мне.
Свет прибывает.

^
--

* * *

Свобода и безденежье на Пасху.
Крепчает май и множит суету.
Землей и небом вперемешку пахнут
березовые почки на свету.
А ты еще в усталой зимней шкуре,
засаленной и жесткой как картон,
когда сигарки стреляные куришь,
уволенный из всех людских контор.
Гуляй себе подальше и подольше,
наигрывай канцоны на зубах.
Покуда не полопались подошвы -
что может быть невинней сих забав?
А солнце будто сварено вкрутую,
и воздух зелен, терпок и пуглив.
Его подносишь бережно ко рту - и
пьешь в один мах, ни капли не пролив.
Христос воскресе, яблоня и тополь!
Воистину - и ветерок в лицо.
Весь этот день, раскрашенный и теплый,
круглеет, как пасхальное яйцо...

^
--

* * *

Отведав спозаранок чуть слежалых
плодов земли, запив из родника,
они лениво щиплют за бока
чужих ослов и заспанных служанок.

"Не правда ли, пока на свете есть
распахнутые рты, глаза и уши -
пребудут с нами и ночлег, и ужин...".
"Да-да, мой Симон - ну хотя бы здесь".
"Земная мудрость - нечто вроде мха
на камне иль младенческой улыбки:
неясен смысл, и очертанья зыбки".
"Ты прав, дружище. Передай меха".
"А чудеса сработаны руками
базарных звездочетов и бродяг
с усмешкою простецкой и лукавой".

"Воистину, мой милый - это так".

И горя нет, что небеса алее,
ведь горя нет - еще или уже...
Блуждают по цветущей Галилее
тринадцать благолепнейших мужей.

^
--

* * *

Отец: Ты вырастаешь до небес.
Ты достаешь рукою солнце.
Отныне - меряй по себе
весь свет. Иди, мирись и ссорься
с пространством, временем, судьбой,
вздымай оскаленные мачты.
Ты слышишь, я горжусь тобой,
мой мальчик.

Сын: Не надо гибнущих литавр
и сумасшедшего гобоя.
Теперь, когда в меня влита
душа - поговорим о Боге.

Отец: Бог - сочетание пыльных букв,
иначе: Бог - язык, который
прикушен. Глянь, как он разбух
во рту, налитанный крутою
тяжелой ненавистью. Весть
без цели. Стертая монетка.

Сын: Но если некто все же есть?

Отец: Я полагаю, этот некто,
беспечно грезящий о нас,
как небеса - о белом клине,
суть также продолжение сна,
щепотка соли или глины,
в крови осевшая...

И ты,
что так неосторожно создан
наперекор застывшим звездам
из нежности и суеты,
из горсти праха без огня
беспомощным, дрожащим, голым -
я знаю: ты убьешь меня,
мой Голем.

© Алексей Сомов, 2003-2010.

© Сетевая Словесность, 2003-2010.

Страница открывалась с 07.02.03 1040 раз